

AB

Книги Анны Берсеновой – истории сильных чувств:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

●

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины
Ревнивая печаль

●

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

●

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

●

«Любовный фарфор»
Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

●

Странная Лиза
Портрет второй жены

●

Стильная жизнь
Полет над разлукой

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька
Вангелия

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория

Анна
Берсенева

слабости сильной
женщины

роман

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

В оформлении обложки использована репродукция
картины *Юрия Николаевича Панцырева*
«Полдень в Венеции»

Берсенева, Анна.

Б51 Слабости сильной женщины : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2015. — 544 с. — (Русский характер. Романы Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-78865-1

Из-за болезни матери Лере Вологдиной приходится бросить учебу в аспирантуре. Она уверена, что незаурядность и воля помогут ей добиться успеха в бизнесе. Но главной трудностью на пути «селф-мейд вумен» оказываются не проблемы с таможенниками и бандитами. Лера чувствует, как меняется ее характер... Из-за этого она расстается с мужем, едва не теряет ребенка, а вскоре понимает, что утратила интерес к жизни. Лера не подозревает, как близко находится единственный выход из того тупика, в который она сама себя загнала...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Сотникова Т. А., 2015
© Панцырев Ю. Н., иллюстрация, 2015
© Оформление. ООО «Издательство

ISBN 978-5-699-78865-1 «Эксмо», 2015

ЧАСТЬ I

Глава 1

У них походочка, как в море лодочка!..

Целый день вертелась у Леры в голове эта песенка, и целый день, перепрыгивая через бесчисленные лужи, она с любопытством думала: неужели и правда какая-то особенная у нее походка?

Комплимент ей сделал случайный прохожий. Даже и не комплимент, а так просто, сказал на ходу:

— Эх и походочка у вас, девушка, — загляденье!

Вот и прицепилась песенка, которую часто пел Митя Гладышев.

Лера даже в витрины косилась, чтобы рассмотреть свою походку получше, но совершенно напрасно: витрины были грязные и пустые, и поэтому смотреться в них, как в зеркала, было невозможно — просвечивали внутренности магазинов, и все.

День у нее сегодня выдался просто сумасшедший, но это Леру ничуть не угнетало. Она любила сумасшедшие дни в дождливую погоду и с удовольствием летала по всему городу. Ей нравилось, что ходит она быстро — в самом деле, летает, — нравилось лавировать в толпе прохожих, никого не задевая и никому не позволяя тормозить ее стремительное движение. Она не торопилась, но все успевала. Может быть, правда — походка такая?

Сегодня, например, она успела получить обе стипендии, свою и Костину. Даже в каждой из двух очередей почти не стояла, потому что прибежала в числе первых — а те, кто ходит медленно, пусть торчат в очередях. А после стипендий успела еще на одну лекцию, на которой ей, как аспирантке, вообще-то не обязательно было присутствовать, но ей было интересно — и она успела, хотя для этого пришлось ехать с Ленинских гор на Моховую, на журфак.

А потом вернуться на метро «Калужская», в аптеку. С утра было почему-то закрыто, и, поколебавшись пару минут: ждать ли, пока откроют — вроде маячили какие-то фигуры внутри, — или спешить на необязательную лекцию и вернуться потом еще раз, — Лера решила, что лучше вернется.

Эта аптека на Бутлерова оставалась, кажется, последней на всю Москву, где был церебролизин. Мама обзвонила все районные справочные, и всюду отвечали: нету, нету, не знаем когда и будет ли вообще.

— Как это может быть! — возмутилась Лера. — Если это единственное лекарство, которое помогает, и если оно нужно постоянно — как это может быть, чтобы оно продавалось в единственной аптеке!

— Очень просто. — У мамы, кажется, ничего не могло вызвать возмущения в привычной действительности. — Лерочка, надо еще радоваться, что хоть там есть. А если бы не было нигде?

Мама говорила об этом спокойно, как о том, что завтра ожидается дождливый день, — чему, мол, удивляться, осень же. И Лере даже в голову не пришел вчера вечером простой вопрос: а что бу-

дет, когда не будет нигде? Ведь раньше лекарство продавалось в аптеке на Сретенке, а теперь нету..

Зато сегодня, когда она во второй раз вернулась на Бутлерова, — этот простой вопрос тут же поразила ее, заставил остановиться, смирить свой стремительный и легкий бег.

— Церебролизин, пожалуйста, — сказала она, протягивая рецепт в окошечко первого отдела.

— Нету, — ответила провизорша, едва взглянув на Лерину бумажку.

— То есть как — нету? — возмутилась было Лера. — Вчера по телефону сказали, что есть!

— Вчера еще был — теперь кончился, — объяснила аптекарша так спокойно, словно речь шла о поливитаминке, без которой прекрасно можно обойтись.

— И что же делать?

— Девушка, милая, ну откуда я знаю? — пожилая провизорша ответила с таким неожиданным сочувствием, что Лера даже не могла возмущаться дальше. — Я же все понимаю, для чего церебролизин, — но нету! Что я могу сделать?

— А мама что должна делать? — по инерции спросила Лера — впрочем, уже без всякого возмущения.

Она вдруг почувствовала, что устала. Казалось ерундой — проехать туда-сюда в метро-автобусе, пробежаться немножко под дождем, немножко промокнуть, послушать лекцию, высыхая прямо в аудитории, еще проехать и пробежаться... И вдруг — устала, и стояла теперь, беспомощно глядя на спокойную аптекаршу.

— Думаете, вы первая меня об этом спрашиваете? Со всего города едут... Другие каналы надо ис-

кать, больше что же? На аптеки теперь надеяться нечего.

Лера вышла на улицу все с тем же чувством: устала, непонятно почему — устала, и торопиться совершенно некуда. Где они текут, другие каналы?

Она спустилась по выщербленным ступенькам, остановилась. Дождь кончился, но крупные капли падали со старой липы, разросшейся у входа, и от этого тихого шелеста листьев и капель, и от подступающих осенних сумерек Леру вдруг охватила безнадежность — таким устоявшимся все показалось, таким неотменимым...

У нее всегда было это ощущение во время осенних дождливых сумерек — завершенности и покоя. Но Лера любила его, и никогда оно не связывалось у нее с безнадежностью. И только сегодня все вдруг изменилось.

— Девушка, это вы церебролизин для мамы спрашивали?

Обернувшись, Лера увидела невысокого парня, быстро спускающегося вслед за ней по ступенькам аптеки. На нем была болоньевая коричневая куртка, по которой тут же забарабанили капли.

— А что? — спросила она с надеждой.

— Могу помочь, — ответил парень.

Лера тут же встrepенулась. Нет, все-таки ей везет! Только что казалось, что все потеряно — и вдруг появляется этот неприметный парень с угреватым лицом, и оказывается, что он может помочь!

— Вы знаете, где есть церебролизин? — спросила она.

— Конечно, знаю, — усмехнулся парень. — У меня.

Отлично! Мало ли откуда у человека может оказаться дефицитное лекарство — может, успел купить про запас, а может, тетя двоюродная прислала из Швейцарии.

— Вы продадите? — Лера посмотрела на парня немного заискивающе — не передумал бы!

— Если купите, почему не продать? Иначе бы не спрашивал.

— Сколько? — спросила Лера, доставая кошелек.

«Половина стипендии, — мгновенно мелькнуло у нее в голове, когда парень назвал цену. — Да-а, рачительный молодой человек...»

Возмущение, злость, растерянность мелькнули у нее внутри так же быстро — и даже, наверное, отразились в глазах. Но едва ли ее собеседник мог реагировать на выражение лица, а вслух Лера, не раздумывая, произнесла:

— Сколько у вас?

— На курс инъекций трех упаковок хватит, — деловито ответил парень — видно, он неплохо был осведомлен о том, как следует колоть церебролизин. — Будете брать?

— Буду.

Парень впервые взглянул на нее удивленно: видимо, он привык, что клиенты возмущаются, называют спекулянтом, желают погибели и жалуется на безденежье. А эта девица с пушистой стрижкой — пожалуйста, берет без комментариев.

«Значит, деньги есть», — тут же решил продавец; он не любил обременять себя лишними размышлениями.

Коробочки с ампулами, которые он извлек из туго набитой сумки, были аккуратно упакованы в целлофановый пакет, и край пакета был заплавлен утюгом.

— Герметично, — объяснил он. — В аптеке вам не упакуют, а так — довезете под любым дождем в целостности-сохранности.

— Мерси.

Лера вытащила деньги из кошелька и протянула продавцу. Тот пересчитал их мгновенным, веерным движением и спрятал где-то в недрах куртки.

— На здоровье вашей мамочке, — напутствовал он Леру. — Милости просим, я тут постоянно теперь бываю.

Только в метро Лера поняла, что, собственно, произошло. Правда, она ничуть не жалела, что купила лекарство раз в двадцать дороже, чем оно должно было бы стоить. Где бы они стали его искать, раз уже нет в последней аптеке? Но вот мысль о том, что вскоре оно понадобится снова, а потом — еще раз, и потом опять, — эта мысль заставила Леру покрыться холодным потом, несмотря на то что по дороге до метро она успела продрогнуть.

Можно экономить на чем-нибудь, как-нибудь перебиться в этом месяце без половины стипендии — хотя им троим и так хватало только вприщип. Можно экономить даже на колготках, если, как ни противно, под джинсы надевать рваные.

Но что делать потом? Церебролизин будет нужен постоянно, и никакой стипендии на это не хватит, и зарплаты не хватит, и пенсии... А экономить на этом лекарстве при маминой болезни было невозможно, и будет невозможно, как ни старайся. И в продаже оно не появится, это ясно. А если удастся найти «каналы» — там оно будет приблизительно по той же цене, что и у парня в болоньевой куртке, это тоже ясно.

Вот это и был тупик, и ощущение тупика заставило Леру похолодеть и схватиться за поручень,

хотя поезд не тормозил. Каково же тогда должно быть маме, которая не сможет жить без этих инъекций?

В подъезде Лера разорвала заутюженный целлофан и выбросила в бачок для пищевых отходов. В аптеке-то не бывает такой упаковки.

Костя еще не возвращался из Ленинки. Она ведь потому и получала за него стипендию, что у него сегодня был библиотечный день и ему не надо было ни в университет, ни в Институт высшей нервной деятельности на ту самую улицу Бутлерова.

Впрочем, это можно было считать удачным стечением обстоятельств. А вдруг Костя не решился бы отдать столько за лекарство, подумал бы, что надо посоветоваться с Лерой или Надеждой Сергеевной, а потом того спекулянта могло уже и не быть возле аптеки... А что уж тут советоваться — и так все ясно.

— Лерочка, обедать будешь или Котю подождешь? — спросила мама, заглянув в ванную, где Лера уже расчесывала мокрые от дождя волосы. — Успела в аптеку?

— Успела, мам. Не буду обедать, подожду.

— Боже, вот везение! — обрадовалась Надежда Сергеевна. — А я ведь, грешным делом, подумала: вдруг кончится лекарство, что тогда? А лекция как?

— Какая лекция? — удивилась Лера, и тут только поняла, что уже успела забыть о ней.

А ведь выбегала сегодня из аудитории с какими-то легкими, еще не сложившимися в стройную систему мыслями и радовалась, что вечером будет время вспомнить их спокойно, и старалась не забыть хотя бы этот мгновенный, спутанный клубок из слов, образов и предположений...

— О чем сегодня лекция была? — переспросила мама.

— А! О погибших мозаиках храма Юстиниана, Сан-Витале.

— Где это? — сразу заинтересовалась Надежда Сергеевна — она вообще интересовалась всем, что изучала ее Лерочка.

— В Равенне, мама, — улыбнулась Лера. — Далеко!

Глава 2

Лера Вологодина должна была закончить аспирантуру ровно через год, но к писанию диссертации еще и не приступала. Правда, угрызений совести она из-за этого не испытывала никаких. За два года аспирантуры Лера успела прочитать все — ну, почти все, — что ей могло понадобиться для диссертации, а написать — написать она успеет! Год для самого писанья, когда все уже сложилось в голове, — и то много. Ведь у них на истфаке не то, что на биофаке у Кости: кроликов резать не надо, опыты проводить тоже не надо.

— Все свое ношу с собой! — смеялась Лера, когда муж удивлялся, что за два года у нее появилось только множество исписанных карточек. — У вас своя специфика, у нас своя!

А напишет она все месяца за три: привыкла думать быстро и работать быстро, и все равно не стала бы писать в месяц по две страницы на протяжении нескольких лет.

Не зря же, впервые собрав свежееиспеченных аспирантов, профессор Ратманов спросил их, усмехаясь в усы:

— Ну, молодые люди, еще не усомнились в из-

бранной специальности? И вообще — в общественной необходимости ваших штудий? И не сомневайтесь, не сомневайтесь, — тут же махнул он рукою. — А если засомневаетесь, утешайте себя тем, что никогда больше у вас не будет в жизни такого восхитительно-беззаботного времени, как золотые аспирантские годы. Уже только из-за этого стоит писать диссертацию, уверяю вас!

И Лера вполне наслаждалась обещанной беззаботностью.

Учиться ей было еще легче, чем в студенческие годы; минимумы она сдала играючи. И что может быть лучше, чем заниматься тем, что тебе интересно: читать книги об итальянском Возрождении, думать, глядя на старинные картины...

И предполагать, что будущая работа окажется чем-то похожим. Во всяком случае, она будет будоражить мысль и не будет угнетать душу — а иначе зачем ею вообще заниматься?

И слушать Костины рассказы про высшую нервную деятельность — радуясь, что и он занят любимым делом. Костя даже больше был влюблен в своих улиток, чем Лера в картины старых венецианцев. Потому что Лера все-таки любила жизнь больше, чем всех итальянцев, вместе взятых, а Костя любил улиток сразу на втором месте после Леры.

А как же иначе?

Она вообще любила все, из чего состояла ее жизнь, и всех, из кого она состояла. Так вот, вперемишку, всех вместе и любила, и действительно не могла бы жить иначе.

Двор свой любила — мрачноватый, на чужой взгляд, но настоящий, старый московский двор; и маму, конечно, с ее трогательным интересом

к чему угодно и наивной уверенностью, что все люди в общем-то хорошие; и школу свою на Сре-тенке, и истфак на Ленгорах, да мало ли что еще!

И мужа Костю. Но его — совсем иначе, совсем отдельно, как счастливого посланника судьбы.

Они поженились еще в начале третьего курса, но Лера до сих пор не могла привыкнуть к своему мужу. Она даже сама удивлялась: ведь все привыка-ют друг к другу, все друг другу немножко надоеда-ют за какие-нибудь пару лет, а у них — все иначе! Тем более что познакомились они вообще на пер-вой «картошке», значит, еще два года плюс — и все равно...

Костя был первым, кого заметила Лера, подой-дя к первому гуманитарному корпусу МГУ, возле которого уже выстроилась вереница автобусов. Сердце у нее замирало в тот день и тут же начи-нало колотиться с быстрым восторгом: поступила, студентка! Теперь — «картошка», вообще — какая-то неведомая жизнь, что может быть лучше!

И, словно в подтверждение своих чудесных предчувствий, едва подойдя к корпусу, Лера увиде-ла этого прекрасного мальчика.

Его невозможно было не заметить, потому что он был похож на Есенина. Не лохматого и нарочи-то бесшабашного, каким тот выглядел на некото-рых фотографиях, а такого, каким получался, сни-маясь с Айседорой Дункан, — с одухотворенным лицом и ясным взглядом больших светлых глаз.

Утро казалось золотым из-за того, что солнеч-ный свет проходил сквозь осенние листья. Пло-щадка перед первым гуманитарным напоминала старинную картину в золотистых трещинках: мно-

жество людей, освещенных каким-то особенным светом, каждый из них принадлежит себе и одновременно участвует в едином движении.

Это было так красиво, что Лера влюбилась во всех одновременно, во всю эту новую жизнь — и, наверное, поэтому не сразу догадалась, что влюбилась в Костю.

Единство единством, а неразбериха царила порядочная. Например, оказалось, что до сих пор не решено, кто куда поедет. А это было немаловажно, потому что одним предстояло ехать в ближнее Подмосковье, а другим почему-то — в Смоленскую область, откуда домой на выходные не съездишь.

Лере было все равно — она-то и попала в Смоленскую, вместе с половиной своего факультета и половиной биофака. Молодой, спортивного вида куратор поставил птичку напротив ее фамилии, и она взобралась в свой автобус — какой сама выбрала среди отправлявшихся в Смоленскую.

Она тогда вообще была восторженная до самозабвения и компанию поддерживать привыкла с детства, а тут еще эйфория от первого картошечного дня — и Лера, как все, пела песни до хрипоты, и смеялась неизвестно чему, и пила вино из бумажного стаканчика, и перезнакомилась со всеми еще прежде, чем автобус выехал за Кольцевую.

Но даже в эти шумные часы, в тесноте автобуса, она все время видела Костю — краешком глаза, потому что он сидел в углу. Костя улыбался, словно бы смущенно — оттого, что не принимал шумного участия в общем веселье.

«Взгляд у него какой — ласковый! — вдруг поняла Лера. — Ничего невозможно больше сказать о нем, а вот это сразу чувствуется...»

— Ты не любишь петь? — спросила она, в какой-